

Позняк С. В.

кандидат исторических наук, доцент

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» ВО ВЛАСТНЫХ СТРУКТУРАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Польский вопрос как вопрос внутривластный в понимании царского правительства был неразрывно связан с борьбой с национально-освободительным и революционным движением. Разделенные границами трех государств поляки, и в первую очередь их образованные представители, по-прежнему чувствовали себя единым народом, сохранившим историческую память о былой, причем великодержавной, государственности. Именно эта «шляхетская» память вызывала раздражительное, и даже презрительное отношение властей, предопределяя порой, как справедливо отмечает современный исследователь, преобладание эмоционального над рациональным в решении польского вопроса [20, с. 27].

В проведении польской политики правящая бюрократия была вынуждена считаться с платформами политических партий и позициями фракций законодательных палат по национальному вопросу. Понятно, что любая правительственная попытка решения названной проблемы была обречена на нападки за якобы излишние и неоправданные уступки полякам, или, наоборот, за национальную дискриминацию. Особенно выпукло это проявлялось при любом упоминании о претензиях поляков на особую роль в «восточных креслах». Казалось бы, общая линия защиты «русских» национальных интересов могла быть выражена словами видного представителя либеральной бюрократии С. Д. Сазонова: «Было бы безрассудно и преступно подвергать Белоруссию и Украину, более древние русские земли, чем их колония — Восточная Русь или Великороссия, риску ополячения...» [34, с. 375]. Но для крайне правых, выступавших против курса на модернизацию страны, классовая солидарность зачастую затмевала национальную неприязнь. Примером тому служит инициированный кабинетом П. А. Столыпина «национально-русский» законопроект о введении земства в западных губерниях, крайне непопулярный в образованном польском обществе и вызвавший ожесточенные нападки представителей правого крыла Государственного совета, поскольку, по их мнению, введение национальных избирательных курий отталкивало от земской работы «культурный и консервативный слой» крупных польских землевладельцев. К числу последних относился представитель группы центра верхней палаты И. О. Корвин-Милевский, заявивший в пылу полемики в Клубе общественных деятелей Петербурга, что «русским полякам лучше погибнуть под гнетом немецкой культуры, чем издыхать под русским кула-

ком» [42, с. 5]. Подобные настроения и речи были достаточно хорошо известны правым членам Государственного совета П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову, которые, тем не менее, заручившись поддержкой царя, организовали голосование против национальных курий. В этом случае борьба законодательных и исполнительных органов за свои полномочия привела даже к роспуску обеих палат на три дня в марте 1911 г. и проведению столыпинского проекта по статье 87-й Основных государственных законов.

В Государственной думе в предвоенный период наиболее яростные межнациональные споры вызвал законопроект о Холмщине, подготовленный еще в 1908 г. по поручению Столыпина С. Е. Крыжановским, в то время товарищем министра внутренних дел. Речь шла о выделении тех частей Люблинской и Седлецкой губерний, где преобладало украинское («русское» по официальной терминологии) население, в особую Холмскую губернию, подчиненную непосредственно Министерству внутренних дел. Обычно в литературе упор делается на то, что официально вопрос о таком размежевании был поставлен Холмским православным братством и епископом Евлогием. Вместе с тем есть все основания предположить, что для команды Столыпина названная проблема была напрямую связана со статусом будущей «этнографической» Польши. В этой связи особенно ценно высказывание Крыжановского: «По официально никогда не

высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования Царству Польскому автономии» [38, с. 20].

Опасаясь, что законопроект о Холмщине будет похоронен в думской комиссии, Евлогий развернул масштабную агитацию в обеих столицах, организовал ознакомительную поездку в Холм ряда членов Думы, в том числе графа В. А. Бобринского, Д. Н. Чихачева, А. С. Гижецкого, Н. Н. Львова и др. Когда же «завязтый русак» — учитель Варшавской гимназии С. Н. Алексеев — пригласил коллег-депутатов к себе в Варшаву, Евлогий живо откликнулся на это предложение и выступил там перед польской общественностью, доказывая, что «справедливое урегулирование русско-польских отношений на Буге (т. е. в Холмщине) благотворно отзовется и на Висле (т. е. в Варшаве)» [23, с. 204—205]. Данную фразу владыки можно воспринимать и как намек на возможность какого-то административного размежевания в пользу поляков, и как косвенное свидетельство того, что ему было что-то известно насчет предположений столыпинской команды о будущем автономном статусе Царства Польского. По словам сына П. А. Столыпина, согласно замыслу его отца «к Польше должны были быть прирезаны, взамен отторгнутых от нее частей Холмщины, некоторые части Гродненской губернии, населенные поляками», а на 1920 г. будто бы даже намечалось полное отделение Польши от России [38, с. 20].

Рассмотрение законопроекта о Холмщине в законодательных палатах проходило уже после смерти П. А. Столыпина, а 23 июня 1912 г. он был утвержден царем и стал законом, впрочем, так и не реализованным в связи с началом мировой войны. Хотя польская общественность и сравнивала этот акт с «четвертованием» (четвертым разделом) Речи Посполитой, ее представители в столице Российской империи все же, видимо, именно в связи с правительственной постановкой вопроса об этническом разграничении возлагали значительные надежды на покойного премьера. По донесению заведующего думским Министерским павильоном Л. К. Куманина, реакция польского

коло на правительственную декларацию в IV Думе 5 декабря 1912 г. была следующей: «Если статс-секретарь Столыпин *говорил о необходимости введения польского самоуправления в Царстве Польском* (курсив мой. — С. П.), то статс-секретарь Коковцов обещает лишь распространить земское самоуправление на Привислинские губернии». Однако думские поляки, прекрасно понимая опасность открытых разговоров о будущей автономии для судьбы их депутатских мандатов, предпочитали, по возможности, держаться в тени. Поэтому уже через несколько дней лидеры коло, стремясь продемонстрировать свою лояльность, даже в кулуарах заявляли, что «никто и никогда из поляков не говорил, что введение местного самоуправления в Царстве Польском успокоит польское общество» [11, с. 15, 20].

Что касается вопроса о польской автономии, то есть основания предположить продолжение его негласной разработки отдельными представителями царской бюрократии, видевшими в изменении статуса российской Польши путь к примирению с поляками. В 1913 г. за границей, в Берлине, был опубликован памфлет начальника Ближневосточного департамента Министерства иностранных дел Г. Н. Трубецкого «*Russland als Grossmacht*». Автор этой работы, называя разделы Речи Посполитой исторической ошибкой, считал необходимым предоставление полякам тех прав, которыми они пользовались в то время в составе Австро-Венгрии в Галичине, т. е. де-факто политической автономии [5, с. 144]. Такая постановка вопроса была возможной если не с благословения, то с молчаливого согласия руководителя Министерства иностранных дел С. Д. Сазонова. Место и время появления названного издания наводит на мысль о причастности к нему других ведомств империи, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Угроза войны с Германией и Австро-Венгрией заставила С. Д. Сазонова в начале 1914 г. пойти на нарушение традиционных бюрократических канонов и обратиться к царю со специальным докладом, не относящимся к компетенции руководителя внешнеполитического ведомства. Имея в виду этнографическую Польшу, министр призвал Николая II во имя «великодержавных задач» России пойти навстречу «разумным пожеланиям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви» [17, с. 296].

К началу войны Государственный совет успешно провалил законопроект нижней палаты о введении городского положения в Царстве Польском, несмотря даже на упорно распространявшиеся слухи о поддержке проекта в редакции Государственной думы императором [12, с. 29; 13, с. 31]. Пока отдельные представители высших эшелонов власти тщетно настаивали на необходимости проведения гибкой государственной политики по польскому вопросу, местная администрация продолжала курс на ограничение прав поляков в использовании родного языка. В марте 1913 г. поводом к развернувшимся в очередной раз думским дебатам по национальному вопросу послужило распоряжение губернских властей о снятии в Минске всех вывесок и надписей на польском языке, существующих параллельно с надписями на русском языке. Депутат от

Ковенской губернии Ф. Рачковский обвинил правительство в проведении «насильственного обрусения края», подавлении местной культуры и нарушении закона от 27 марта 1906 г., который допускал ограничение для польского языка только в публичных собраниях обществ и учреждений. В свою очередь депутат от Минской губернии священник Околович, обвиняя

своих оппонентов в стремлении полонизировать край, попытался сыграть на национальных чувствах коренного населения, заявив, что у белорусов как этноса в свое время отобрали все — и государственность и политическую независимость, а их язык и православие требуют защиты [16, с. 177—178].

Первая мировая война перевела польский вопрос из разряда внутренних дел царского правительства в сферу международных отношений. Однако нельзя отрицать, что и до этого времени над ним довлели определенные внешние воздействия. В довоенной России польская политика верховной власти, по словам С. Д. Сазонова, была в значительной мере подвержена «берлинским влияниям, которые проявлялись, под видом бескорыстных родственных советов и предостережений, каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей» [34, с. 374].

К началу XX в. в правительственных верхах получила распространение мысль, что Россия достигла своих «естественных границ» и не нуждается ни в каких приращениях. Именно поэтому, например, военный министр А. Н. Куропаткин во всеподданнейшем докладе Николаю II в 1900 г. высказывался отрицательно по отношению к идее присоединения к России Галичины, Прикарпатья и части Польши [14, с. 41]. Но международная обстановка, возрастание угрозы мировой войны вносили коррективы в представления о внешнеполитических задачах государства. Провозглашенный П. А. Столыпиным лозунг «Великой России», наполняясь самым различным содержанием, стал расцениваться общественно-политическими силами, в том числе влиятельными проправительственными кругами, как основа и активной внешнеполитической программы.

Однако курс на сближение с Францией и Англией вызвал резкое противодействие со стороны крайне правых группировок. В концентрированном виде позиция этих кругов была изложена в записке поданной в феврале 1914 г. Николаю II членом Государственного совета П. Н. Дурново. Главная мысль записки сводилась к тому, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются», черноморские проливы закрывались не Берлином, а Лондоном, к тому же российско-германская война неминуемо вызовет революцию. В этом контексте Дурново рассматривал и проблему польских этнических территорий: российская Польша в ходе войны, вероятно, окажется в руках противника, который будет провоцировать антироссийское восстание; но опаснее «всякого открытого восстания» то, что союзники в создавшихся условиях будут воздействовать на Россию с целью решения польского вопроса исходя из своих внешнеполитических интересов. Завоевывать у Германии ее часть Польши и вовсе безрассудно: «Зачем оживлять центробежные стремления, не заглохшие по сию пору в Привислинском крае, привлечением в состав Российского государства беспокойных познанских и восточно-прусских поляков, национальных требований которых не в силах заглушить и более твердая... германская власть?» Рассуждения о необходимости воссоединения с подданными Австро-Венгрии галицкими русинами, по мнению Дурново, и вовсе проникнуты опасными идеями «национального сентиментализма». «Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов?» — вопрошает автор записки [15, с. 188—190]. После этих слов вопрос о захвате Западной Галичины, населенной преимущественно поляками, Дурново даже и не ставил.

Одновременно национально заангажированные представители польского общества стали подумывать о выгодах, которые им сулит военное столкновение великих держав. При этом лидер польского кола в III Думе Р. С. Дмовский, раскритикованный земляками-депутатами за пророссийский курс национально-демократической партии и вынужденный даже отказаться в этой связи от депутатского мандата, стал для исследователей чуть ли не главным героем польско-русского сближения кануна и начала Первой мировой войны. Однако дело вовсе не в неославизме Дмовского, отказывавшегося, между прочим, рассматривать белорусов как нацию. Отношение к предстоящей войне было у него предельно прагматичным: поляки должны стать на сторону слабой из держав (именно таковой он считал Россию), чтобы изменить баланс сил в ее пользу, а потом уже требовать для себя максимальной выгоды. Данная программа предельно четко выражена в книге Р. С. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» [9], вызвавшей сильное

раздражение в Берлине. И все же тактика формального единения с Россией открыла ему на достаточно длительное время возможность для налаживания партнерских отношений с влиятельными политическими слоями в столице империи. В начале 1909 г., в разгар Боснийского кризиса, Министерство внутренних дел инспирировало обсуждение книги Дмовского в печати в рамках антигерманской кампании [25, с. 309].

С началом войны превращение польских этнических территорий в театр боевых действий, присутствие поляков в составе противодействующих армий усилили злободневность польского вопроса. По подсчетам зарубежных исследователей, на стороне Тройственного союза воевало почти 8 млн поляков, а в российской армии — 2 млн [40, с. 402].

Важным центром формирования польской политики стала Ставка верховного главнокомандующего. 1 августа 1914 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в расчете на скорую победу обратился к полякам с воззванием, в котором деклариовались будущие реформы. В современной литературе выявлен круг лиц причастных к появлению этого акта: помимо великого князя наиболее часто называются министр иностранных дел С. Д. Сазонов, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич и военный министр В. А. Сухомлинов [1, с. 134]. Вместе с тем современники приписывали участие в составлении воззвания достаточно широкому кругу лиц, причем некоторые из называемых «осведомленными» источниками персоналий могли иметь лишь опосредствованное отношение к бюрократическим верхам. В этом отношении весьма характерна запись в дневнике З. Гиппиус: «Мало верят у нас главнокомандующему — Ник. Ник. Романову. Знаменитую его прокламацию о «возрождении Польши» писали ему Струве и Львов (редактировали)» [8, с. 27].

Документ столь сильного общественно-политического звучания не мог появиться без ведома императора. И в дальнейшем механизм принятия решений по польскому вопросу, в конечном счете, сводился к санкции носителя верховной власти. Все предыдущее царствование Николая II, правителя упрямого и скрытного, но слабовольного, приучило его давать какие-либо обещания реформ только в самом крайнем случае, а потом стараться их не выполнять. В данном конкретном случае призыв великого князя к возрождению Польши, свободной «в своей вере, языке и самоуправлении» [18, с. 24],

был весьма кстати, т. к. формально исходил от военной власти, а царя в принципе вообще ни к чему не обязывал. Кроме того, необходимо было по-прежнему представлять польский вопрос как внутреннее дело России, не придавая ему какого-либо излишнего международного звучания. Помнил Николай II и предостережения правой части Государственного совета, четко выраженные в упоминаемой выше записке П. Н. Дурново. Поэтому и имевшееся в воззвании обещание воссоединения всех частей Польши под скипетром царя совсем не желательно было облекать в императорский манифест.

Не мог не учитывать Николай II и мнения императрицы, для которой польский вопрос, в какой-то мере и по стечению обстоятельств, стал как бы семейным. Во-первых, среди пропагандистов «автономии» Польши она видела только либеральствующих великих князей, бюрократов и военачальников, стремящихся затмить собой ее венценосного супруга и интригующих против него. В число таких лиц изначально попали дядья царя Николай и Петр Николаевичи вместе с их женами, тоже сестрами, Анастасией и Милицией, так называемыми «галками». Во-вторых, несмотря ни на что, Александра Федоровна надеялась оставить сыну Алексею Российскую империю в таком же виде, в каком ее передал Николаю II Александр III. Уже 20 сентября 1914 г. она сообщает мужу опасения «Друга» (Г. Распутина. — С. П.), что «галки» хотят, чтобы великий князь Николай Николаевич «добился трона в Польше, либо в Галиции». На всякий случай Александра Федоровна предостерегает и одновременно закликает супруга: «Совершенно немыслимо, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобное» [29, с. 8]. Через некоторое время царская семья демонстрирует подданным и собственное отношение к польскому вопросу, и пример благотворительности одновременно, пожертвовав «из личных средств» 200 тыс. рублей в помощь польскому населению, пострадавшему от военных действий [19, с. 162].

Если самодержавие несмотря ни на что не желало считать польский вопрос международным, то поляки так или иначе стремились представить его уже именно таким. Польская «Nowa Gazeta», например, писала, что министр иностранных дел Англии Э. Грей, прочитав в парламенте воззвание российского верховного главнокомандующего, тем самым подчеркнул его международный характер [6, с. 95].

1 сентября 1914 г. С. Д. Сазонов изложил послам Англии и Франции «неофициальные предложения» России по поводу мирного урегулирования после предполагаемого сокрушения военно-политического могущества Германии. Царское правительство выставило сравнительно ограниченные притязания. Предусматривалось присоединение к России нижнего течения Немана

и Восточной Галичины. В состав зависимой от царской короны Польши, по мнению российского министра иностранных дел, должны были войти Познань, Силезия и Западная Галичина [36, с. 18].

Однако в самой России позиции противников «целокупной Польши» были еще сильны. 14 октября на квартире П. Н. Дурново собралась группа правых Государственного совета. Участники этого совещания пришли к единодушному заключению, что «объединение Польши, хотя бы и под главенством России, для последней невыгодно и что желательно воздержаться от дачи дальнейших обещаний» [32, с. 61].

На фоне общественного резонанса, вызванного воззванием верховного главнокомандующего, в октябре — ноябре 1914 г. царское правительство провело

серию совещаний, посвященных принципам послевоенного устройства Польши. Лидер либеральной группы Совета министров главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин предлагал пойти навстречу «чувству национальной обособленности поляков» и даровать им «областное земство», что, по сути, означало краевую автономию. По мнению министра путей сообщения С. В. Рухлова, решение о введении в Польшу областного земства означало бы «начало разложения русского государства». Как всегда категоричен был министр внутренних дел Н. А. Маклаков: «Полякам будет отрадно, если они получат самоуправление, но наша цель — не то, чтобы поляки были довольны, а чтобы далеко не отходили от России» [33, с. 15].

Примечательно, что подготовленная правительством «мемория» начиналась изложением суждений инициатора возбуждения вопроса в Совете министров генерала Н. Н. Янушкевича. Начальник штаба Ставки считал необходимым в связи со вступлением российских войск в пределы Австро-Венгрии представить полякам доказательства серьезности намерений правительства выполнить обещания, данные в воззвании верховного главнокомандующего. Совет министров признал, что границы послевоенной Польши следует определить в соответствии с «этнографическим признаком», а предстоящее преобразование края должно базироваться, в частности, на свободе вероисповедания при сохранении за православной верой «значения первенствующей и господствующей», незыблемости государственного статуса русского языка, организации местного самоуправления. В противовес «мемории» в «особом мнении» меньшинства Совета министров (И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова) отмечалось, что поскольку воззвание верховного главнокомандующего «не имело в виду поставить русские интересы на задний план сравнительно с интересами польскими», то «следовало бы воссоединение Польши поставить на очередь по окончании войны лишь по удовлетворении всех других более важных задач» [33, с. 16—19, 22].

Николай II, ознакомившись с «меморией» и «особым мнением» трех членов кабинета, передал их в свою очередь великому князю Николаю Николаевичу. 22 ноября Н. Н. Янушкевич «доверительно» сообщил И. Л. Горемыкину заключение верховного главнокомандующего: «Всесторонняя разработка вопроса является задачей последующего, по завершении войны, времени и будет иметь законодательный характер» [33, с. 23—24]. Когда председатель Государственной думы М. В. Родзянко передал Николаю II жалобы поляков по этому поводу, царь ему ответил: «Мы, кажется, поторопились» [22, с. 397].

Позицию Николая II прекрасно чувствовала царская администрация на польских землях империи. Циркуляр попечителя Варшавского учебного округа Г. В. Левицкого, например, запретил преподавание поляками всеобщей истории и географии в частных учебных заведениях даже и на русском языке, что вступало в определенное противоречие с законом 1 июля 1914 г. Член Государственного совета по выборам от землевладельцев Царства Польского С. И. Велепольский не преминул отметить это обстоятельство в телеграмме премьер-министру И. Л. Горемыкину. Вопрос был вынесен на обсуждение Совета министров 11 и 14 ноября. Управляющий министерством народного просвещения барон М. А. Таубе, пытался разъяснить циркуляр таким образом, что закон 1 июля, строго говоря, не отменил положения закона 24 мая 1908 г. о запрете на преподавание названных предметов лицами «польского

происхождения». До сих пор практика ведомства, отмечал он, заключалась в том, чтобы «не допускать поляков, хотя и по-русски, преподавать русскую историю (Смутное время, раздел Польши и пр.)». Такое толкование циркуляра нашло полную поддержку у министра внутренних дел Н. А. Маклакова: «Преподавание в польских руках — обратится в оружие. Есть предел благожелательству к полякам. Мне ученику — тяжело, если отечественное прошлое рассказывает нерусский». Однако под давлением либеральной группы министров циркуляр все же был отменен.

Горемыкин особо подчеркнул, что благонадежностью преподавателей должно заниматься училищное начальство: «Если ненадежный — не допустят» [35, с. 97, 381—382].

Варшавский католический архиепископ А. Каковский в беседе с протопресвитером российской армии и флота Г. Шавельским, перечисляя немецкие фамилии, представленные в администрации края, с горечью констатировал: «Русская власть точно нарочно бьет по самолюбию поляков». Но и назначенный в начале 1915 г. варшавским генерал-губернатором князь П. Н. Енгальчев в своей деятельности мало чем отличался от «немцев». Он все же чутко уловил суть происходящих в верхах разногласий по польскому вопросу, отметив для себя, что император не может противостоять своеобразно целеустремленной императрице и только лишь «примыкает» к либеральному течению. В своей деятельности на новом посту Енгальчев, добившись от Совета министров значительного расширения собственных полномочий, в то же время во многом, возможно подсознательно, копировал царя, придумав, как он говорил, «удивительную формулу для ответов просителям, которая их успокаивает и меня ни к чему не обязывает». Суть «изобретения» генерал-губернатора заключалась в следующем заверении собеседника: «Я постараюсь сделать для вас все возможное». Понятно, что его кратковременное управление краем было высочайше отмечено пожалованием ему звания генерал-адъютанта [41, с. 216, 218—219].

Большие проблемы возникли у властных структур России после захвата территорий Австро-Венгрии. Усилилось давление тех политических кругов, которые считали, что Восточная Галичина, Северная Буковина и Угорская Русь (Закарпатье) являются «исконно русскими землями» и непременно должны непосредственно войти в состав империи. Поскольку механизма, способного обеспечить единство действий военного командования и правительства на «занятых по праву войны» территориях, не существовало все неудачи и перегибы в проведении национальной политики Ставка и Совет министров сваливали друг на друга.

Если в украинском вопросе действия оккупационного режима в Восточной Галичине однозначно были направлены на борьбу с «мазепинством» и поддержку местных русофилов, то в отношении галицких поляков политика Ставки, правительства и духовного ведомства не была единой. Граф Г. А. Бобринский, назначенный генерал-губернатором завоеванных областей, подчинялся непосредственно военному командованию. Как и П. Н. Енгальчев, он в прошлом был лейб-гусаром, т. е. «однополчанином» великого князя Николая Николаевича, и также практически игнорировал заинтересованные министерства, но довольно часто обращался лично к императору по вопросам управления вверенным ему краем. Попытки правительства влиять на деятельность оккупационных властей зачастую просто блокировались началь-

ником штаба Ставки Н. Н. Янушкевичем. Между тем Министерство иностранных дел рекомендовало проводить взвешенную гуманную политику по отношению к гражданскому населению края. При этом уже в сентябре 1914 г. в докладной записке дипломатической канцелярии при Ставке верховному главнокомандующему отмечалось, что настроение поляков Восточной Галичины «скрыто враждебное, но никаких открыто неприязненных выступлений с их стороны со времени оккупации не было, и держатся они пока корректно» [21, с. 336].

Однако политика военного времени неизбежно была связана с репрессиями. Поляки точно так же, как и галицкие евреи и «мазепинцы», привлекали пристальное внимание контрразведки. Составлялись списки подозреваемых в шпионаже, постоянно предоставлялись отчеты о польском «революционном движении», проводилась масштабная депортация поляков из прифронтовой полосы. Понятно, что подобные мероприятия способствовали консервации антирусских настроений и распространению разнообразных слухов, инспирированных разведкой противника. Генерал-губернатору даже пришлось давать опровержение слуху о том, будто бы великий князь Николай Николаевич отказался от своих обещаний полякам, поскольку их представители сражались в Польских легионах против России [35, с. 362].

Хотя никаких конфессиональных и языковых стеснений галицкие поляки в отличие от украинцев не ощущали, ожидать от них каких-либо особых симпатий к России было трудно. Тем более, что они и при Габсбургах всячески противились делению коронного края на две части — западную (польскую) и восточную (украинскую), подчеркивая при этом «польскость» Львова. Не могло не насторожить поляков и активное «воссоединение униатов», проводимое в Галичине по указанию обер-прокурора Синода В. К. Саблера волынским архиепископом Евлогием, известным им еще по истории с Холмщиной. Да и в саму администрацию края попали люди известные своими антипольскими настроениями по их деятельности в Государственной думе: глава петроградского «Галицко-русского общества» граф В. А. Бобринский и Д. Н. Чихачев [27, с. 33].

И все же галицкие поляки при режиме российской оккупации были уже не едины в своей проавстрийской ориентации. В докладной записке Г. А. Бобринскому, похожей, правда, больше на донос, профессор Львовского университета С. Грабский отметил, что «польское общество в

Галиции все больше тоже становится на славянскую точку зрения». Сам генерал-губернатор после ряда встреч со сторонниками объединения разрозненных частей Польши «под русским владычеством» сообщал в Ставку: «Все они, по-видимому, примиряются с мыслью, что Восточная Галиция станет вполне русской областью, и что они потеряют в ней свое прежнее господство...» [33, с. 33, 39]. Бобринский даже ходатайствовал через Янушкевича перед правительством об оказании помощи польским помещикам «для продолжения хозяйства». Однако в Совете министров решили, что в задачи правительства не входит поддержка помещиков, эксплуатирующих «русское» население [35, с. 151].

Но петроградская «общественность» обвиняла в недальновидности галицкой политики именно правительство. В январе 1915 г. на частном совещании думской комиссии по обороне с участием министров кадеты подвергли резкой критике политику властей в Галичине, затронув и польский вопрос.

И. Л. Горемыкин попытался занять примирительную позицию и даже в ответ на требование П. Н. Милюкова пообещал, что проект автономии Польши будет внесен правительством в Думу. Впрочем, это обещание так и не было выполнено не только до отставки премьера, но и до крушения самодержавия [22, с. 397].

18 февраля в соответствии с высочайшим указанием Совет министров разработал основы будущего политического устройства Польши. Дабы установить предел «для слишком далеко идущих вожеланий некоторых польских политических кругов и партий», было четко определено, что «общими и едиными» для Российской империи и Польши останутся армия и флот, международные сношения, финансы, пути сообщения, почта и телеграф, судопроизводство [33, с. 41].

Во время посещения «занятых по праву войны» территорий Австро-Венгрии Николай II 8 апреля записал в своем дневнике впечатление, произведенное на него Львовом, отметив, что город «напоминает в небольшом виде Варшаву, но с русским населением на улицах» [10, с. 523]. Сравнение с Варшавой для кратких и в целом довольно сдержанных дневниковых записей царя показательно. Очевидно, оно было навеяно не только западной архитектурой. Что касается «русского» населения, то оно было представлено значительным числом, пришедшего из окрестностей Львова украинского крестьянства. Вероятно, ощущения царя были не так уж далеки от впечатлений генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем Ю. Н. Данилова. Этому царскому генералу посещение городов Галичины, начиная со Львова, навеяло «невеселые» размышления: «Они настолько ополячены, а полякам в «подъяремный» период в Галиции, по-видимому, жилось так хорошо, что даже после окончательного, закрепленного договорами, присоединения к нам Галиции последняя явится источником хлопот и трудностей» [37, с. 12].

В апреле 1915 г. царь предполагал, несмотря на вполне понятные опасения Александры Федоровны («не рано ли еще?») [29, с. 149], посетить и Варшаву. К этому событию он считал желательными подготовку в окончательном виде проекта земского положения для губерний Царства Польского и редактирование императорского рескрипта варшавскому генерал-губернатору об основных началах политического устройства Польши [33, с. 49].

Однако приезд Николая II в Варшаву так и не состоялся, а на какой-либо решительный шаг в отношении Польши правительство И. Л. Горемыкина не решилось. Правда, члены Совета министров ознакомились с записками по польскому вопросу С. И. Велепольского и его брата В. И. Велепольского, а 21 мая 1915 г. даже пригласили ряд известных польских деятелей высказать свое мнение о послевоенном устройстве Польши в ходе специального совещания. Совещание сразу же раскололось на две части и о его продуктивной работе не могло быть и речи. Пространные доводы польской стороны о необходимости дарования Польше «широкой автономии» были заслушаны, но оставлены без ответа [33, с. 50—77]. Через два года, вспоминая ход совместных заседаний, С. И. Велепольский говорил, что для польских его участников с первого же дня была ясна безнадежность какого-либо соглашения. Значение же совещания для польской стороны, по его мнению, заключалось только в том, что в отличие от многочисленных записок польских деятелей, которые «могли остаться под зеленым сукном и света не увидеть», оно послужило органом, «где мы могли наши соображения ясно высказать» [27, с. 38].

В мае 1915 г. в докладе Варшавского охранного отделения министру внутренних дел, освещавшем настроения польской общественности, отчетливо прозвучало, что разрешение польского вопроса не следует проводить «с излишней поспешностью и без предварительного

обеспечения общегосударственных интересов империи», но обязательно императорским манифестом [33, с. 78, 83]. В июле на заседании Совета министров на срочности высочайшего манифеста попытался настаивать С. Д. Сазонов, получивший единодушный отпор [34, с. 376; 39, с. 22]. И все же в правительственной декларации, оглашенной в Думе 19 июля 1915 г. И. Л. Горемыкиным, применительно к Польше впервые было употреблено слово «автономия» [27, с. 31; 31, с. 119].

22 июля 1915 г. российские войска сдали неприятелю Варшаву, а 23 августа Николай II отстранил великого князя Николая Николаевича от верховного главнокомандования и принял эти функции на себя. В день отъезда в Ставку царь распорядился возбудить в правительстве вопрос об отмене все еще существующих в армии ограничений для католиков (фактически — поляков). Соответствующее постановление Совета министров было принято уже 8 сентября 1915 года [35, с. 265, 408].

Оккупация немцами Царства Польского на некоторое время приостановила дальнейшую разработку вопросов будущего политического устройства Польши царским правительством. Тем временем созданный в августе 1915 г. в законодательных палатах Прогрессивный блок включил в свою программу компромиссный для входящих в него фракций вариант «разрешения русско-польского вопроса». В представлении либерально-консервативной оппозиции он заключался в следующем: отмена ограничений поляков в правах на территории всей России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии Царства Польского и одновременный пересмотр законов о польском землевладении [3, с. 27].

Заседания правительственного совещания по польской проблеме возобновились уже после отставки И. Л. Горемыкина и назначения премьером Б. В. Штюрмера, в феврале 1916 г. На протяжении месяца обсуждались проекты статс-секретаря С. Е. Крыжановского, министра просвещения графа П. Н. Игнатьева и военного министра И. К. Григоровича [2, с. 75].

С весны 1916 г. усилилось заигрывание с поляками французских политиков. Посольство Франции в Петрограде превратилось в своеобразный польский клуб. Частыми гостями здесь были И. Корвин-Милевский, граф М. Замойский, братья Велепольские, К. Броель-Плятер, Р. Скирмунт, граф И. Потоцкий. С. Д. Сазонов даже вынужден был доверительно сказать М. Палеологу: «Будьте осторожны. Польша — скользкая почва для французского посла» [28, с. 67]. Но царский министр отчетливо чувствовал, что сдерживать союзные страны в их стремлении официально признать польский вопрос международным становится все трудней. Его суждения по этой проблеме на удивление удачно выразил во всеподданнейшем докладе императору Б. В. Штюрмер. Сазонов, по словам премьера, утверждал, что «хотя Россия и не должна допустить формально международной постановки польского вопроса, но что, в действительности, нельзя отрицать его международное значение» [33, с. 99].

Тогда же Сазонов, анализируя доходившие до него сведения о выработке в Берлине новой польской политики, отходящей от старых прусских традиций, высказывал все большие опасения относительно возможности переориентации польского общественного мнения в пользу Германии [33, с. 85—86]. Ве-

ликий князь Николай Михайлович после беседы с ним по польскому вопросу пишет царю: «Возможно, что издание теперь же манифеста было бы своевременным и произвело бы известный эффект, так как чары воззвания за подписью Николаши уже испарились, а есть угроза, что немцы могут возложить польскую корону на голову кого-либо из многочисленных принцев или эрцгерцогов» [24, с. 68]. Николай II, несмотря на давление «темных сил», начинал, видимо, уже колебаться. Однако Сазонову необходимо было пробить еще и бюрократически-консервативную броню. Даже его предложение осуществить сбор средств в помощь рабочим Варшавы (только бы они не выезжали на работу в Германию) и передачу их через довольно популярного польского деятеля князя З. Любомирского поддержки у большинства Совета министров не нашло. Весьма характерно, что министр путей сообщения А. Ф. Трепов при этом заявил, что «доверие» императора Любомирскому, о котором попытался упомянуть Сазонов, «сбора не касается» [35, с. 332—333].

Одновременно усилилось давление на правительство со стороны влиятельных придворных кругов, видевших обеспечение жизненных интересов послевоенной России несколько иначе, чем большинство Совета министров. В этом отношении весьма характерна записка И. П. Балашева «Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики», помеченная апрелем и разрешенная военной цензурой к печати 12 мая 1916 г. Поставив на первое место вопрос о проливах, автор одновременно важнейшей задачей назвал решение польского вопроса. Не исключая «личной унии» России и Польши, Балашев в то же время категорически высказался в

пользу независимого Польского государства, отделенного от России таможенной чертой [17, с. 513].

В этих условиях министр иностранных дел, который, судя по всему, в понимании польской проблемы уже перешагнул этап «провинциальной автономии», обратился непосредственно к царю и получил высочайшее разрешение составить «проект конституционного устройства для Польши». Такой документ был подготовлен сотрудником министерства Б. Э. Нольде и согласован с государственным секретарем С. Е. Крыжановским. 29 июня 1916 г. во время всеподданнейшего доклада С. Д. Сазонова в Ставке Николай II заявил, что «одобряет проект и находит его обнародование своевременным». На опасения же министра, что документ будет встречен в штыки большей частью кабинета, царь обнадежил его, напомнив о законности перевеса меньшинства над большинством, в случае если государь становится на сторону первого [34, с. 387—388]. Одновременно Николай II передал распоряжение Крыжановскому выработать проект соответствующего высочайшего манифеста [33, с. 108].

На следующий день С. Д. Сазонов, торжествуя победу, вернулся из Могилева в Петроград и отправился к премьеру Б. Д. Штюрмеру, чтобы передать ему повеление государя об очередном рассмотрении польского вопроса в Совете министров [34, с. 389]. Однако Штюрмер, по образному выражению Дж. Бьюкенена, только «отступил, чтобы лучше прыгнуть» [4, с. 172]. В первую очередь он, разумеется, заручился поддержкой императрицы.

Уже 7 июля Сазонов получил отставку. Но почти одновременно царь, ознакомившись с подготовленным С. Е. Крыжановским манифестом, повелел немедленно рассмотреть его в Совете министров. Открывая прения, Штюрмер предупредил, что «изъясненная монаршая воля не ограничивает свободы суждений». В результате большинство членов кабинета, назвав проект манифеста «редакционным видоизменением» предложений Сазонова, пришло к за-

ключению, что он предполагает установление отношений Польши по отношению к России «в форме союзного государства». Совет министров выработал альтернативный проект царского манифеста, подчеркнув, что его обнародование предпочтительнее связать со временем вступления российских войск в пределы Польши [33, с. 108, 119, 121—122].

Документы свидетельствуют, что царь летом 1916 г. не скупился на обещания представителям польской общественности. Так, принимая в конце июля 1916 г. в Ставке С. И. Велепольского, Николай II заверил его, что в ближайшее время появится «акт относительно Польши» [27, с. 37]. Через некоторое время добился аудиенции у царя и брат С. Велепольского Владислав. Император выразил его проекту по польскому вопросу «полное сочувствие и одобрение» и предложил ознакомить с ним императрицу, добавив, что «она умная женщина, и он советуется с ней по всем вопросам» [33, с. 127—128].

Однако в Царском Селе к этому времени антипольские настроения достигли апогея. Александра Федоровна 19 июля в письме супругу пишет: «Штюрмер говорил со мной о польских делах; действительно, надо соблюдать величайшую осторожность...». Через два дня, с явным нежеланием или, как она пишет, «с некоторым страхом» ожидая посещения ее В. Велепольским, царица пытается убедить мужа, что «было бы разумнее несколько обождать, и ни в коем случае не следует идти на слишком *большие* уступки, иначе, когда настанет время нашего Бэби, ему трудно тогда придется» [30, с. 377—378, 385]. Характерно, что сразу же после разговора царицы с графом Велепольским Штюрмер направил царю телеграмму с просьбой «задержать разрешение польского вопроса» до приезда Александры Федоровны в Ставку [33, с. 126]. Последовала отсрочка.

В августе 1916 г. во время неоднократных встреч с Б. В. Штюрмером С. И. Велепольский говорил, что ему «известно по данным не совсем неопределенным» о подготовке Берлином акта о независимости Польши и настаивал на скорейшем издании обещанного российского акта. В подтверждении всего сказанного премьеру была передана и телеграмма парижских поляков, которую он отвез царю в Ставку вместе с очередной запиской Велепольского. После возвращения Штюрмера в Петроград Велепольский получил от него лицемерное заверение, что «все будет сделано, только он не может определить точно время, когда это будет» [27, с. 41—42]. Подлинная реакция Николая II на телеграмму неизвестна, но опасения царицы за позицию мужа опять усилились. В письмах Николаю из Царского Села вновь звучит мольба не торопиться «с польскими делами» до перехода границы, как его просят Штюрмер и «Друг». Распутин через императрицу советует царю отвечать всем, кто «надоедает» ему по поводу Польши: «Я для сына все сделаю, перед сыном буду чист» [31, с. 1, 12, 103—104].

Провозглашение Германией и Австро-Венгрией 23 октября (5 ноября) 1916 г. «независимого» Польского государства стало ударом для царицы. У нее появился новый лютый враг — Вильгельм, переигрывавший ее мужа в пропагандистской возне с поляками. Желая успокоить супруга, императрица пишет ему: «Как много благоразумных русских людей... благословляют тебя за то,

что ты не внял мольбам просивших тебя дать Польше свободу в момент, когда она уже перестала быть нашей, так как это было бы просто смешно!» [31, с. 108].

Царица была права в одном: в конце октября 1916 г. царский манифест относительно Польши выглядел бы действительно нелепо. Но хотя статус оккупированной Германией территории Польши по германско-австрийскому акту и оставался неопределенным, от носителя верховной власти России и его правительства требовались ответные пропагандистские заявления. В выступлении в Государственной думе 19 ноября 1916 г. А. Ф. Трепова, сменившего Штюрмера на посту председателя Совета министров, наряду с заверениями о стремлении вести войну до победного конца было заявлено и о необходимости «воссоздать свободную Польшу в этнографических ее границах и в неразрывном единении с Россией» [7, стб. 257—258]. 12 декабря последовал приказ Николай II армии и флоту, в котором среди основных задач называлось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [33, с. 131]. С. И. Велепольский во время приема его императором 23 декабря попросил разъяснить, как следует понимать слова «свобода Польши». Николай II ответил, что Польше будет дарован «собственный государственный строй со своими законодательными палатами и собственная армия» и разрешил опубликовать это свое заявление [27, с. 44].

Но спешить с решением польского вопроса в высших эшелонах власти никто не собирался. Дело и на этот раз закончилось созданием очередного совещания, образованного на основе предложений, содержащихся во всеподданнейшем докладе императору нового председателя Совета министров Н. Д. Голицына 12 января 1917 года. На первом этапе работы совещания (при выработке основных начал государственного устройства Польши) было решено поляков не приглашать. Но при выработке окончательной редакции польских Основных законов предполагалось привлечь к работе членов Государственного совета С. И. Велепольского и И. А. Шебеко, а, «если сие будет признано желательным», и отдельных думских поляков [33, с. 132—133].

Совещание начало свои заседания в феврале, по сути, за считанные дни до крушения империи. Было решено работать в обстановке совершенной секретности, чтобы не вызвать «каких-нибудь мечтаний несбыточных у поляков, а впоследствии упреков». Дабы исключить просачивание в печать любых сведений о круге обсуждаемых проблем военный министр А. В. Беляев, в ведении которого находилась военная цензура, сделал соответствующие распоряжения [26, с. 223]. Поляки принять участие в работе совещания так и не успели. Впрочем, как справедливо отмечал С. Д. Сазонов, «русская революция разрешила польский вопрос быстрее и радикальнее, чем это сделала бы русская государственная власть» [34, с. 390].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтурина А. Ю.* Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8.
2. *Бахтурина А. Ю.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
3. Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927.
4. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.
5. *Вечоркевич П.* Законодательные органы (Дума и Государственный совет) как платформа российско-польского политического примирения // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

6. Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати). М., 1914.
7. Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Пг., 1917.
8. *Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914-1919. Нью-Йорк; М., 1990.
9. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909.
10. Дневники императора Николая II. М., 1991.
11. *Донесения Л. К.* Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 2.
12. *Донесения Л. К.* Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 9.
13. *Донесения Л. К.* Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2.
14. *Емец В. А.* «Национальные интересы» и внешняя политика России в преддверии Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1999.
15. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6(10).

16. *Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества. М., 1999.
17. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
18. Летопись войны 1914 года. № 1.
19. Летопись войны 1914 года. № 10.
20. *Липатов А. В.* Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
21. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 6. Ч. 1. М.; Л., 1935.
22. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.
23. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994.
24. Николай II и великие князья. (Родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925.
25. Общественное движение на польских землях: Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. М., 1988.
26. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 2. М.; Л., 1925.
27. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.; Л., 1926.
28. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991
29. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1923.
30. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. М.; Л., 1926.
31. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927.
32. *Редигер А. Ф.* История моей жизни // Военно-исторический журнал. 1991. № 1.
33. Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926.
34. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991.
35. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
36. *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914—1917 гг. М., 1986.
37. Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 12.
38. *Столыпин А.* Слово об отце // П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М., 1991.
39. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926.
40. *Хаген М.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.
41. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996.
42. *Щегловитов С. Г.* Русско-польские отношения в Западном крае. Вильно, 1910.